

го узуса современной автору эпохи, выполняют следующие основные функции. Во-первых, географические наименования реально существующих в конце XVIII века объектов помогают установить место действия пьесы – район близ Москвы, что позволяет идентифицировать регионализмы, встречающиеся в произведении, как принадлежащие центральным русским говорам. Во-вторых, вымышленные географические наименования, выполняют функцию дополнительной характеристики персонажа: Филимон, помещик села Хлебородово деревни Доброй Пожни показан как материально благополучный кандидат в женихи для Анюты.

Литература

1. Кузнецов, В. Я. Словоуказатель к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. Я. Кузнецов. – Тверь : Тверской гос. университет, 1990. – 140 с.
2. Словарь автобиографической трилогии М. Горького в шести выпусках с приложением Словаря имен собственных / Отв. ред. Л. С. Ковтун. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974–1990.
3. Словарь русского языка XVIII века. Проект / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, 1977. – 164 с.
4. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : В 6 выпусках / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ин-т рус. Яз; Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; Сост. В. Л. Виноградова. – Л. : Наука. Ленингр.отд-ние, 1965–1984.
5. Словарь языка комедии «Горе от ума» / Л. М. Баш, Н. С. Зацепина, Л. А. Илюшина, Р. С. Кимягорова. – М., 2007. – 592 с.
6. Словарь языка Пушкина. Тт. I–IV. / Отв. ред. В. В. Виноградов. – М., 1956–1961.
7. Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир» / Сост. З. Н. Великодворская, Г. С. Галкина, Г. Б. Куперман. – Тула : Тулгоспединститут, 1978. – 381 с.

Источник

Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. – СПб. : Типография Императорского Московского университета, 1792. – 56 с.

В.М. Калинин

Донецкий национальный университет

Донецкий национальный медицинский университет

kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 811.161.1:81'373.2

ПРОЛЕГОМЕНЫ К АКСИОМАТИКЕ И ПОСТУЛАТАМ ПОЭТОНИМОЛОГИИ

Ключевые слова: аксиома, поэтика, семантика, поэтонимогенез, поэтонимология, поэтонимосфера, семантика, функция.

Освещены положения теории поэтонимологии, отражающие сформировавшиеся в Донецкой ономастической школе представления о некоторых методологических презумпциях, обеспечивающих непротиворечивое описание поэтики собственных имён в литературно-художественных текстах.

V.M. Kalinkin

Donetsk National University Donetsk National Medical University

PROLEGOMENON TO AXIOMATICS AND POSTULATES OF POETONYMOLOGY

Key words: axiom, function, poetics, poetonymology, poetonymogenesis, poetonymography, poetonymosphere, semantics.

The paper highlights theoretical concepts of poetonymology which have been posed by Donetsk Onomastic school. Mentioned concepts include methodological presumptions which have been successful used for consistent description of proper name's poetics.

Літературна ономастика – дуже важка дисципліна. Майже все, написане про неї, належить до “перших шкиців”, за якими рано чи пізно прийде глибше пізнання.

Ю.О. Карпенко

Продолжающиеся до сих пор дискуссии, касающиеся специфики собственных имён, функционирующих в художественных произведениях, связаны, в первую очередь, с различиями в представлениях о сущностных свойствах слов, выполняющих сходные задачи в обычной речевой практике и в речи художественной.

Очевидное различие между словом *Воронеж*, называющим город, и таким же словом, именующим реку, ни у кого не вызывает сомнения. Более того, в ономастике существуют специальные термины, предназначенные для “узаконения” этого факта: имена городов относят к разряду *ойконимов*, а названия рек – к *гидронимам*. А вот реальную фамилию реального исторического лица, полководца, обеспечившего победу России над Наполеоном в 1812 году, М.И. Кутузова, и фамилию персонажа романа Л.Н. Толстого «Война и мир» странным образом отождествляют, причём делают это как вопреки точке зрения самого Толстого, утверждавшего, что персонажи его эпопеи не являются личностями истории, так и вопреки тому, что в поэтонимологии или литературной ономастике (как “по привычке” называют эту научную дисциплину) уже давно используются термины *антропоним* для имён реальных людей (Кутузова исторического) и *антропоэтоним* для имен литературных персонажей. В случае с *Воронежем* решающим является факт различия между объектами, который учитывается, а в примере с *Кутузовым* разница между историческим лицом и художественным (исключительно словесным) воплощением образа игнорируется. Сложный для квалификации пример избран умышленно. Ведь никто не станет утверждать, что Грей и Ассоль из феерии А. Грина «Алые паруса» когда бы и где бы то ни было существовали реально, кроме, естественно, реальности художественной. А вот с *Кутузовым* дело обстоит сложнее, ибо в этом случае следует отказаться от инерции бытового мышления. Сказанного достаточно для представления одной из основных презумпций поэтонимологии: *любое собственное имя в художественном произведении относится к объекту, существующему в творческом воображении автора только как словесно выраженное представление о создаваемом или используемом им образе*. Предложенное понимание в некотором смысле совпадает со сформулированной автором более 15 лет назад аксиомой знаковости поэтонима [2, 111–113], однако отличается от неё тем, что в ней использовано сочетание “словесно выраженное представление”. В принципе, оно указывает на эксплицированность сигнификата.

В специальном уточнении нуждается ещё один важный для теории поэтонимологии момент. В ономастической терминологии принято учитывать соподчинённость понятий и родовидовые отношения внутри групп онимов. Если, к примеру, некоторое множество онимов можно отнести к классу имён, обозначающих пространственно-временные зоны, а выделенные в этом классе топонимы и хрононимы считать родовыми понятиями, то ойконимы, гидронимы и дромонимы нужно квалифицировать как виды (разряды) топонимов. Точно так же в группе онимов, именуемых бионимами, полезно выделить антропонимы, зоонимы и фитонимы. Иными словами, разумно организованная субординация основных терминов служит упорядочению онимного пространства. К сожалению, в той части ономастической науки, которая должна навести порядок в описаниях онимии литературных произведений, такая субординация не наблюдается. С момента появления в работах, связанных с изучением поэтики собственных имён, термина *поэтоним* его настойчиво квалифицируют как разряд онимов, хотя это, безусловно, класс собственных имён. Дошло до того, что эту ошибочную трактовку пропагандируют (иначе не скажешь) в специальном терминологическом словаре. Такое положение возможно только в случае неприятия изложенной выше презумпции. Исходя из сказанного, следующую презумпцию поэтонимологии можно сформулировать так: *выделенный из массива номинативных лексем класс собственных имён, функцио-*

нирующих в художественных произведениях, – поэтонимия – принципиально отличается от соотносительного класса имён, функционирующих в бытовой речи, – онимии – словесной, образной выраженностью и референта, и сигнификата объекта именованя. Пользуясь терминологией семиотики, можно говорить о том, что поэтонимия является специальной частью вторичной семиотической моделирующей системы.

Изложенные выше презумпции позволяют принять аксиоматику поэтонимологии в качестве методологического базиса исследований поэтики собственных имён.

Без каких бы то ни было возражений все исследователи принимают аксиому “контекста как широкого принципа”: *поэтоним получает свою полноценную значимость не только в контексте других знаков художественного произведения, но в контексте, понимаемом как широчайший принцип*. Однако некритическое распространение смысла этого утверждения на ряд недостаточно прочно обоснованных и изученных феноменов и явлений культуры может приводить к ошибкам в трактовках и интерпретациях. Например, поэтика сопоставляемых и, в известном смысле, отождествляемых имён *Татьяна* и *Светлана* в «Евгении Онегине»: / *Но стало страшно вдруг Татьяне... / И я – при мысли о Светлане / Мне стало страшно – так и быть... / С Татьяной нам не ворожить / [ЕО.5.X]*, – становится понятной в силу заданности эпиграфом к пятой главе романа (*О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана! / Жуковский*) и “дистантной” связи со сравнением из третьей главы: / *Скажи, которая Татьяна? / Да та, которая грустна / И молчалива, как Светлана / [ЕО.3.V]*. Однако трактовка ассоциативно-аллюзийной техники сравнения как ин-тертекстуальности является ошибочной.

Связанная с представленной выше “аксиома бесконечной смысловой валентности поэтонима” оказалась продуктивной и, по-прежнему, не нуждающейся в доказательствах: *всякий поэтоним может иметь бесконечное количество значений, т.е. превратиться в символ*. Контекст художественного произведения преобразует собственное имя, обычно являющееся индивидуализирующим и идентифицирующим знаком, в поэтоним, в сущность иного рода, становящуюся полномочным представителем образа и, аккумулируя информацию о нём, в некоторых случаях даже превращающуюся в символ или миф.

Такая ситуация из потенциально возможной в результате поэтонимогенеза реализуется в силу процесса предикации. О нём трактует следующая аксиома: *всякий поэтоним в художественном произведении есть предикация того или иного понимания словесно обозначаемой предметности в отношении самой этой предметности*.

Стабильность поэтонимов – не более чем видимость. От употребления к употреблению поэтоним неуловимо изменяется и обыденному сознанию только кажется, что это одно и то же слово. На самом деле имена переменчивы и многолики. Одни, подобно неутомимым модницам, примеряют на себя разнообразные одежды смыслов, другие, как солдаты, если и меняют униформу, то только в соответствии с требованиями “устава”. Но “одежды” – лишь внешняя, хорошо видимая сторона перемен. Внутренняя жизнь поэтонима гораздо сложнее, а преобразования незаметнее. Можно считать, что любое слово, в том числе, имя собственное, – одновременно и константа, и переменная. Не будь слово константой, мы не понимали бы друг друга, а не будь оно переменной, язык прекратил бы существование. Первое свойство помогает общаться, второе составляет сущность коммуникации.

Думается, что эксплицированные здесь аксиомы интуитивно осознавались исследователями-ономастами всегда. К сожалению, объём сообщения не позволяет уделить лингвистикографическому анализу этого вопроса достаточно внимания, поэтому ограничусь краткими замечаниями, ведь практически в каждой работе, касающейся собственных имён в литературных произведениях, затрагивается проблема их специфики. Полагаю, специалистам известны имена В.Н. Михайлова, Э.Б. Магазаника, Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанской, О.И. Фoniaковой и других исследователей, много сделавших для становления поэтонимологии, видевших и, с учётом уровня развития ономастических наук, представивших своё понимание специфики поэтонимов. К наибо-

лее глубокой по-прежнему отношу концепцию Ю.А. Карпенко. В ней отмечены пять признаков поэтонимии, отличающих её от общенародной онимии (N.B. – использую в данном случае “модернизированные” термины и понятия моего сообщения): 1) вторичность, предполагающая свободу авторского словесно выраженного представления о создаваемом или используемом образе; 2) специфическая детерминированность поэтонимии: связь со свойствами изображаемого объекта, образной системой произведения, художественным замыслом; 3) функциональная перестройка, преобладание образно-стилистических функций; 4) принадлежность к художественной речи в отличие от общенародной онимии, принадлежащей языку; 5) существование заглавия – особого типа собственных имён.

Изложенная выше аксиома бесконечной смысловой валентности поэтонима, кроме отмеченного выше качества, характеризующего, прежде всего, семантическую составляющую, предполагает его “бытие” в состоянии подвижного покоя, поэтонимогенез, непрерывное движение вдоль оси *апеллятив – онама* [2, 125]. Однако, кроме смыслового наполнения, поэтоним в разных употреблениях демонстрирует ещё и разный уровень образной насыщенности, различные “фигуративные” возможности.

Размышления над основами теории поэтонимологии привели к необходимости обозначить основные направления её развития. 1. Наличие объекта исследования, обладающего выраженной специфичностью, естественно, требуют дальнейшего его изучения как с практической, так и с теоретической точки зрения. Широкое поле проблем и множество пока не решённых конкретных вопросов, связанных с дальнейшим всесторонним исследованием его специфических свойств говорит о необходимости развития специального раздела – *теории поэтонима*. 2. Выявленные в практических исследованиях “динамические” характеристики поэтонима нуждаются в глубоком осмыслении, требуют уточнений и всесторонних обоснований в *теории поэтонимогенеза*. 3. Практическое отсутствие исследований, трактующих отношения между поэтонимами в пределах пространства художественного произведения (за исключением работ представителей Донецкой ономастической школы) свидетельствует о необходимости ещё одного раздела – *теории поэтонимосферы*. 4. Во всестороннем осмыслении нуждается комплекс вопросов, связанных со словарями поэтонимов (как самостоятельными, так и включёнными в словари языка писателей). Отсюда ещё одно (а может быть и два) направление – теория поэтонимографии и, шире, писательской ономографии.

В каждом из отмеченных направлений в трудах ономатологов и других учёных, заинтересованных в исследовании уникального феномена – собственного имени в художественном произведении – можно найти множество утверждений, заслуживающих введения в научный оборот в качестве отправных постулатов поэтонимологии. Наша задача сегодня – удостоить их определения – ἄξιωμα.

Литература

1. Калинин, В. М. Общая теория поэтонима. Предпосылки и перспективы разработки / В. М. Калинин // *Kieleckie Studia Rusycystyczne*. 1998. – Т. 8. – С. 119–131.
2. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
3. Карпенко, Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // *Onomastica*. 1986. – Т. XXXI. – С. 5–22.
4. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // *Полное собрание сочинений* : в 17 т. – Т.6. – М. : Воскресенье, 1995. – 700 с.